

УДК 947(471.326)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1918–1953 гг. В ОТНОШЕНИИ ТАМБОВСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ: ХАРАКТЕР И СТРУКТУРА¹

© Александр Николаевич КОСЕНКОВ

ассистент кафедры всеобщей и российской истории
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: alexkosenkov@mail.ru

Рассмотрены характер и структура политических репрессий в отношении тамбовской социальной элиты 1920–1940-х гг. Источником для исследования послужила электронная просопографическая база данных (БД) репрессированной элиты, включающая более тысячи персоналий и созданная на основе подготовительных материалов к Книге Памяти политических репрессированных Тамбовской области. В результате проведенного анализа БД показано движение представителей региональной социальной элиты по историческим этапам советских политических репрессий. Установлена половозрастная структура репрессированных и ее корреляция с мерой наказания. Так, доля женщин составила менее 5 %, что соответствует уровню элитного рынка труда. Большинство всех пострадавших находилось в возрасте от 41 до 50 лет (27 %), при этом к расстрелу чаще приговаривались пожилые люди старше 71 года (в 77,3 % случаев). Совокупная доля расстрелов составила 35,9 %, при этом женщин реже мужчин приговаривали к высшей мере (14,9 и 36,9 % соответственно). Рассмотренный сквозь призму наказаний национальный и профессиональный состав социальных активистов показал наибольшую долю смертных приговоров у евреев и партийно-советских и промышленных руководителей. Отдельно проанализированы репрессии периода «большого террора» (1937–1938 гг.) как наиболее массового и жестокого (64 % всех арестованных и 95,4 % всех расстрелянных тамбовских «элитариев»). Таким образом, проведенное исследование показало, что созданная электронная БД на непрерывных, длинных и репрезентативных линиях персональной социографической информации позволяет непредвзято рассмотреть политические репрессии в отношении региональной социальной элиты и описать их динамику и структуру.

Ключевые слова: база данных; «большой террор»; верхние социальные слои; политические репрессии; Тамбовская область; элита

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-1(165)-100-108

В последние годы исследователи все чаще обращаются к проблеме массовых репрессий в различных регионах на основе анализа электронных баз данных [1–4]. Структура политических репрессий в Тамбовской области ранее уже была предметом изучения [5–6], в настоящей статье мы сосредоточимся на пострадавшей в них совокупности верхних социальных слоев 1920–1940-х гг.

Источником в нашем исследовании служит «элитная» выборка 1024 персоналий из подготовительных материалов к Книге Памяти политических репрессированных Тамбовской области, содержащей в формате Excel биографические параметры 8 тыс. пострадавших в 1918–1953 гг. (Данная выборка не абсолютная и включает около трети всех

предполагаемых местных «политических»). Для идентификации социальной элиты из всего массива базы данных (БД) мы определили следующие исторические нижние социокультурные границы: 1) священнослужители; 2) обладатели профессий, требовавших тогдашнего полного и неполного высшего образования – врачи, инженеры, преподаватели, юристы и т. д.; 3) советско-партийные руководители с уровня секретаря райкома – председателя райисполкома; 4) армейское командование начиная от майорского звания и военнослужащие высокой квалификации – военные юристы, летчики, преподаватели; 5) лица творческих профессий – художники, артисты, музыканты и т. д.; 6) студенты вузов.

Таким образом, созданная БД репрессированной тамбовской элиты достаточно репрезентативна и является самостоятельным источником для проведения исторического анализа.

¹ Статья подготовлена в рамках проектной части гос. задания в сфере научной деятельности Минобрнауки РФ (задание 33.956.2014/К).

Абсолютное большинство в политических репрессиях тамбовской социальной элиты занимают мужчины (95,4 %) с преобладанием во все периоды. Доля женщин составила 4,6 %, что отражает состояние «элитного» рынка труда. Динамика полового состава политических репрессированных представлена в табл. 1. Наибольшее число женщин кара настигла в 1935–1941 гг. (30 человек). В следующие периоды их абсолютная составляющая упала, но при этом доля выросла в 4 раза в условиях деформированной войной социальной структуры и полового перекоса.

В движении среднего возраста репрессированных «верхов» в целом отражается соответствующая динамика «простых» жертв [5, с. 269]. За счет священнослужителей самые возрастные активисты были арестованы в 1922–1934 гг. (табл. 2). Немного моложе оказались жертвы следующего периода, забравшего большую долю «недобитых» религиозных деятелей, а также промышленных руководителей и армейское командование. Заметное репрессивное омоложение наблюдается в Великую Отечественную войну, подтянувшую на фоне демографического военного урона младшие возраста в социальные «верхи». Ощутимо низкий возрастной ценз на начальном (36,4 года) и послевоенном (35,9) этапах репрессий объясняется как малой выборкой БД в соответствующих хро-

нологических границах, так направленностью и целями в конкретных условиях.

Во всех периодах, кроме послевоенного, средний возраст элиты оказывается выше, чем у остальных тамбовских репрессированных, что отразилось в итоговом возрастном соотношении двух совокупностей (52,1 года и 49,8 лет соответственно).

Корреляция половозрастного состава тамбовской социальной элиты с мерой наказания представлена в табл. 3. Наибольшее количество репрессированных находилось в возрасте 41–50 лет (279 человек; 27,2 %). Чуть меньшая доля приговоров пришлась на когорту 51–60-летних (25,4 %). Схожая картина наблюдалась на Смоленщине, правда, среди всех репрессированных, а не только в их элитной совокупности [1, с. 24]. Женщины, как более молодые и позже вошедшие в социальные «верхи», максимально пострадали в возрасте от 31 до 40 лет. При этом к высшей мере наказания чаще всего приговаривались пожилые люди старше 71 года (77,3 %). В 45 % случаев смертный приговор ожидал когорту 61–70-летних. Причинами столь жестокого обращения со старшими группами являлись как их социальное происхождение, образ деятельности (в основном это были церковнослужители), большой жизненный опыт (сознательное существование в имперском государстве), так и малая физическая полезность от старого человека в строительстве социализма.

Таблица 1

Движение половой структуры социальной элиты по периодам репрессий

Пол	Репрессии до 1922 г.		1922–1934 гг.		1935–1941 гг., до ВОВ		ВОВ		1946 г. и после		Всего	
	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %	всего	в %
Мужчины	12	85,7	190	97,9	713	95,9	47	85,5	15	83,3	977	95,4
Женщины	2	14,3	4	2,1	30	4,1	8	14,5	3	16,7	47	4,6
Всего	14	100	194	100	743	100	55	100	18	100	1024	100

Примечание: малая выборка в репрессиях до 1922 г. сложилась из-за недоучета жертв «красного террора» и пострадавших за «антоновщину» в условиях фактического институционального отсутствия уголовного кодекса.

Таблица 2

Движение среднего возраста репрессированной тамбовской элиты (оба пола)

Этап репрессий	Репрессии до 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–1941 гг., до ВОВ	ВОВ	1946 г. и после
Средний возраст	36,4	53,1	51,1	45,7	35,9

Таблица 3

Распределение репрессированной тамбовской элиты
по возрасту и высшей мере наказания

Возраст	Приговоренные (репрессированные)									
	всего	в %	к ВМН		мужчин	женщин	к ВМН (мужчины)		к ВМН (женщины)	
			всего	в %			всего	в %	всего	в %
До 21	4	0,4	1	25,0	1	3	0	0	1	33,3
21–30	74	7,2	15	20,3	65	9	14	21,5	1	11,1
31–40	234	22,9	94	40,2	222	12	90	33,3	4	33,3
41–50	279	27,2	94	33,7	269	10	94	34,9	0	0
51–60	260	25,4	79	30,4	250	10	78	31,2	1	10,0
61–70	151	14,8	68	45,0	148	3	68	45,9	0	0
71 и старше	22	2,1	17	77,3	22	0	17	77,3	0	0
Всего	1024	100	368	35,9	977	47	361	36,9	7	14,9

В то же время, по абсолютным показателям расстрельных приговоров, лидерами являются активисты из возрастных групп 31–40 и 41–50 лет (в обоих когортах по 94 случая высшей меры наказания (ВМН)). При этом в первой доля расстрелов составила 40,2 %. Именно они, амбициозные уроженцы рубежа веков, активно зачищались как своими младшими, так и старшими соперниками в битве за элитные места советского общества.

Что мы имеем в итоге. Доля расстрелов в репрессиях социальной элиты составила 35,9 %, что выше соответствующего показателя как у простых тамбовских (23,3 %), так и, к примеру, у смоленских (28,3 %; [1, с. 14, 16]) политических. Тем самым, элитной деятельности сопутствовала повышенная victimность. При этом женщин реже мужчин приговаривали к высшей мере (14,9 и 36,9 % соответственно). Среди причин менее кровавой женской картины является их более молодой возраст, низкая доля в социокультурных верхах и характер занимаемой должности, а также снисходительное отношение властей.

Обратимся к национальному составу репрессированной элиты (табл. 4). Поясним, что всего тамбовский шторм политических репрессий в отношении верхних социальных слоев охватил представителей 16 национальностей. В табл. 4 рассматриваются 9 из них (в группу «прибалтов» включены латыши, литовцы и эстонцы), доля же остальных (чехи, молдаване, армяне, корейцы, шведы, венгры и азербайджанцы) репрезентативно мала и представлена совокупно (см. категорию «прочие»).

По понятным причинам в славной однородностью Тамбовской области основной пострадавшей группой стали русские (84,1 %), при этом их доля была меньше соответствующей в региональном населении. Все остальные национальности превосходят свои доли в переписной статистике. Арестованных русских реже приговаривали к расстрелам, меньший процент только у немцев. Наибольший показатель высшей меры социальной защиты среди евреев (62,5 %). В этом можно усмотреть стремление властей остудить семитский пассионарный пыл, но более явной причиной являлась профессиональная составляющая: из всех «националов» среди евреев самая большая доля репрессивно-уязвимых промышленно-хозяйственных руководителей (38 %). Непропорционально высокие показатели расстрелов получились и у малых народов (поляков, латышей), в чем присутствуют отголоски национальных операций НКВД.

Иная картина сложилась в приговорах к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Самые высокие показатели практически смертных «десяток» демонстрируют русские и немецкие совокупности. Минимальная доля таких наказаний в приговорах евреев, при максимальных показателях в расстрелах создает впечатление, что их старались выбить из обоймы с первого раза, не давая шанса выжить в суровых лагерных условиях.

Таким образом, по совокупному показателю в приговорах расстрелов и «десяток» лидируют евреи (75 % случаев), далее идут украинцы (70,6 %), белорусы (68,4 %), поляки (66,6 %), русские и прибалты (по 60 %). Чуть более половины таких приговоров вынесены немцам.

Таблица 4

Национальный состав репрессированных тамбовской социальной элиты

Национальность	Репрессированные						Численность по переписи 1939 г. (в Тамбовской обл.)	
	всего	в %	приговоренные к ВМН		10 лет лишения свободы		всего	в %
			всего	в %	всего	в %		
Русские	861	84,1	292	33,9	226	26,2	1851942	98,60
Украинцы	34	3,3	19	55,9	5	14,7	11372	0,60
Белорусы	19	1,9	10	52,6	3	15,8	1861	0,10
Поляки	36	3,5	16	44,4	8	22,2	611	0,03
Евреи	24	2,3	15	62,5	3	12,5	1719	0,10
Немцы	30	2,9	7	23,3	9	30,0	3229	0,20
Прибалты	10	1,0	4	40,0	2	20,0	325	0,02
Прочие	10	1,0	5	50,0	–	–	516	0,03
Всего	1024	100	368	35,9	256	25	1871575	99,7

Социально-профессиональная структура репрессированной тамбовской элиты представлена в табл. 5. Чаще других профессиональных групп расстрелам подвергались партийно-советские работники (50 % приговоров), промышленно-хозяйственные руководители (44,4 %) и армейское командование (44 %). В период борьбы с вредительством на производстве была обезглавлена практически вся крупная тамбовская промышленность. Кому-то повезло больше (находящийся под следствием директор завода «Революционный труд» Н.П. Басилов продолжил свою карьеру), кому-то меньше (директор тамбовской электростанции А.А. Шатилов был расстрелян в 1938 г.). Неудачи при строительстве завода СК-5 (синтетический каучук) повлекли за собой массовые аресты руководства: в один день 28 января 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР вынесены расстрельные приговоры А.В. Любимову (начальник оборудования строительства завода), Н.А. Дубышкину (технический руководитель) и Т.У. Хвостикову (начальник строительства). Позже, 26 мая, к ним присоединился начальник отдела снабжения Я.А. Шейнин, являвший собой нередкий пример соединения национального и профессионального предлога репрессии.

Высокая доля смертных приговоров в культурной группе, в числе которой расстрелянный в 1938 г. артист Драматического театра Н.М. Дьяконов, усиливается и чаще встречающимися в их среде десятилетними лагерными сроками (50 %). Наименее по-

страдавшей от высшей меры категорией было молодое студенчество вузов.

Отметим перекося в профессиональной структуре социальных верхов – практически половину ее состава составляют церковно-служители, пропорционально обеспечившие тем самым свою подавляющую долю во всех расстрельных случаях (48,9 %) и 10-летних сроках (61 %).

Видовая динамика приговоров по периодам репрессий представлена в табл. 6. Движение структуры мер наказаний показывает наибольшее разнообразие приговоров и их жестокость в 1935–1941 гг. Рассмотрим подробнее этот период по причине его репрезентативности и потенциальной возможности сравнения с другими регионами. Доля приговоров в 1935–1941 гг. отражена на рис. 1. Практически каждый второй в эти годы был расстрелян и каждый четвертый получил 10 лет лагерей. При этом наибольшая плотность пришлась на 1937–1938 гг. (88 % всех приговоров периода и 64 % всех политических репрессированных в регионе в 1918–1953 гг.). Доля расстрелов в приговорах за эти два года составила 54,4 % (351 человек из 645). В то же самое время по всей стране по политическим мотивам было осуждено 1344923 человек, из которых 681692, или 50,7 %, приговорено к высшей мере [7, с. 318]. В литературе именно за 1937–1938 гг. закрепилось название «большой террор», хотя фактическое его начало связывают с убийством 1 декабря 1934 г. С.М. Кирова.

Помесячная динамика репрессий 1937–1938 гг. изображена на рис. 2. Формальное

начало массового «большого террора» связывают с выходом 30 июля 1937 г. оперативного приказа № 00447 НКВД СССР Н.И. Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». На графике (рис. 2) это отражено в резком повышении количества приговоров в августе. Всего за первые три месяца

(август, сентябрь и октябрь) на фоне повышенного энтузиазма тамбовских властей была репрессирована треть всех пострадавших от «большого террора». Абсолютный же пик пришелся, как и по всей стране, на декабрь 1937 г. (23,5 % приговоров, 152 человека осуждено).

Таблица 5

Профессиональные группы представителей социальной элиты – мера наказания

Профессиональная группа	Всего, человек	Доля расстрелов в приговорах, в %	Доля осужденных на 10 лет, в %	Доля группы в расстрелах, в %	Доля группы в 10-летках ИТЛ, в %
Медицина	23	34,8	21,7	2,1	1,9
Церковь	529	34,0	29,9	48,9	61,0
Культура	12	41,7	50,0	1,3	2,3
Образование	111	29,7	30,6	8,9	13,1
Партия	42	50,0	11,9	5,7	1,9
Сельское хозяйство	39	35,9	12,8	3,8	1,9
Юстиция	9	33,3	11,1	0,8	0,4
Промышленность	126	44,4	11,1	15,2	5,4
НКВД-НКГБ	2	0	50,0	0	0,4
ЖД	11	27,3	18,2	0,8	0,8
РККА	50	44,0	20,0	5,9	3,9
ДМХ, БОЗ	59	36,2	25,9	5,7	5,8
Студенты	11	18,2	27,3	0,5	1,2
Всего	1024	35,9	25	100	100

Примечание: ДМХ – домохозяйства; БОЗ – без определенного места занятий

Таблица 6

Структура приговоров, вынесенных представителям тамбовской элиты, абсолютные данные

Характер репрессии	Репрессии до 1922 г.	1922–1934 гг.	1935–1941 гг., до ВОВ	ВОВ	1946 г. и после	Всего
Расстрел	2	11	352	2	–	368
Условный расстрел	4	–	–	–	–	4
25 лет лишения свободы	–	–	2	–	3	5
15 лет	–	–	9	–	–	9
10 лет	–	30	189	29	8	256
7–9 лет	–	–	79	12	1	92
4–6 лет	–	67	51	4	1	123
1–3 года	2	34	13	1	–	50
Высылка	1	41	7	4	5	58
Принудительные работы без лишения свободы	1	–	–	–	–	1
Лагерь на время Гражданской войны	4	–	–	–	–	4
Условное осуждение к лишению свободы	–	8	1	–	–	9
Оправдание по суду	–	–	29	2	–	31
Освобождение с зачетом предварительного заключения	–	–	2	–	–	2
Смерть во время следствия	–	–	6	1	–	7
Лишение права проживания в ряде мест	–	3	2	–	–	5
Всего	14	194	742	55	18	1024

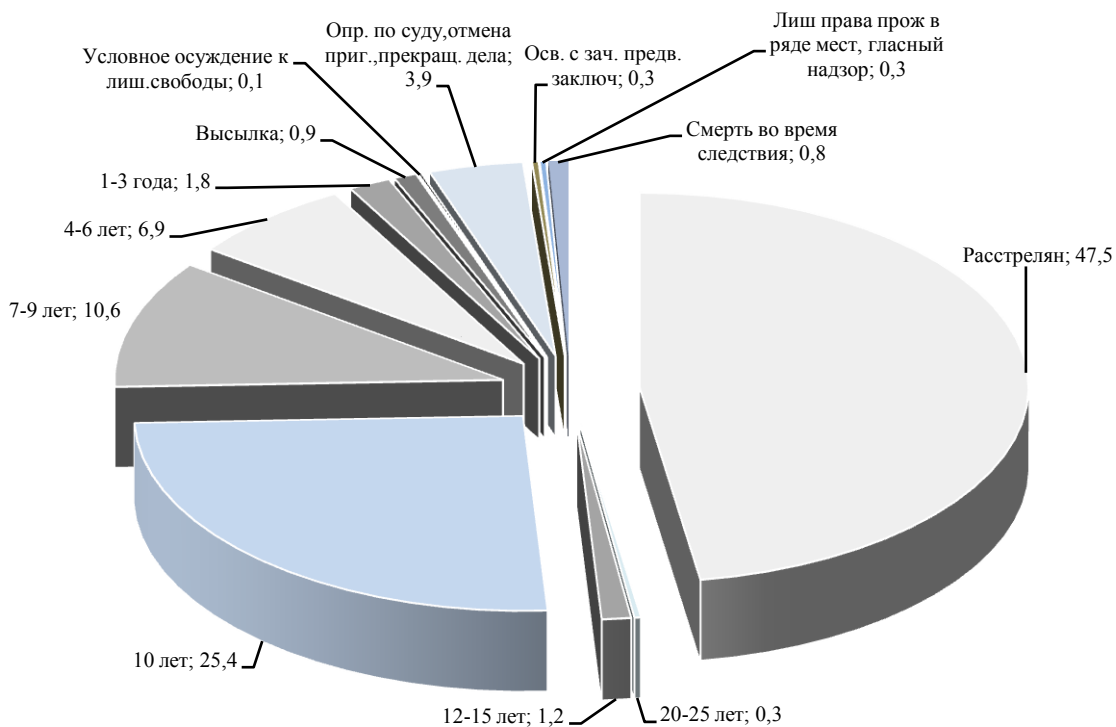

Рис. 1. Доли структуры приговоров в период 1935–1941 гг. (%)

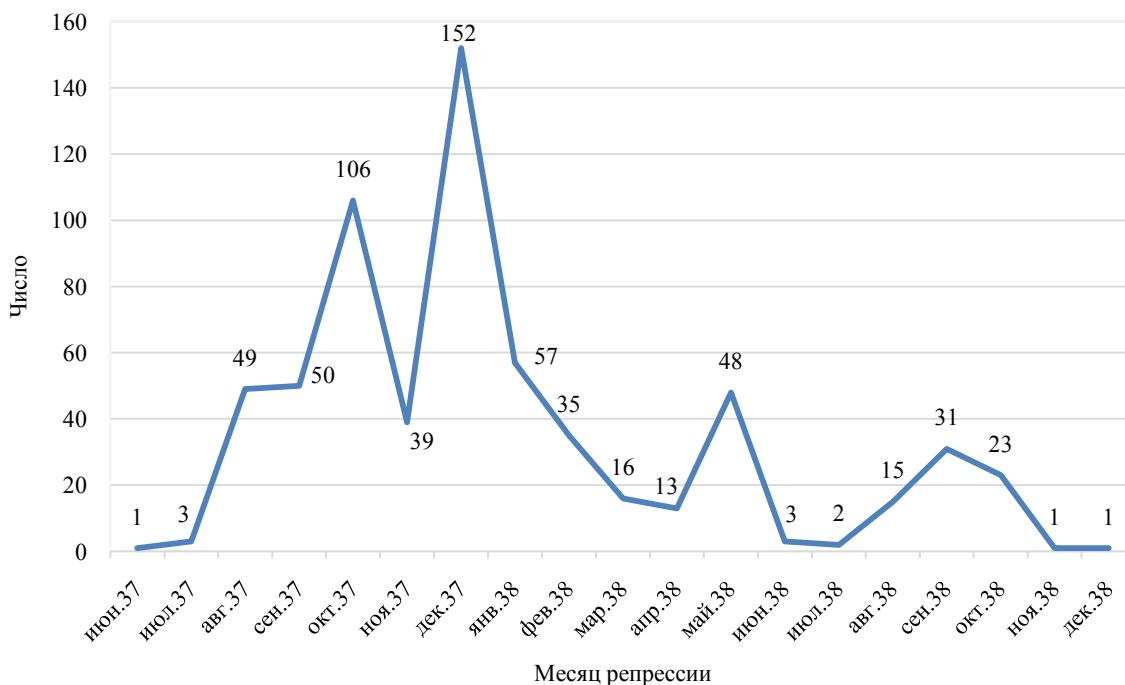

Рис. 2. Помесячная динамика политических репрессий тамбовской социальной элиты в годы «большого террора»

Начиная со следующего года репрессивный механизм сбавляет обороты, проходя майский и сентябрьский подъемы. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» от 17 ноября 1938 г. положили конец «массовым операциям», что характерно отразилось в крутом падении графического тренда приговоров до единичных случаев ноября–декабря при указанной агонии сентября и частично октября, имевшей под собой основание «добить» как можно больше до окончания законного срока.

Рассмотрим помесечное движение расстрельных и остальных приговоров «большого террора» (рис. 3). Как было ранее сказано, за два «страшных» года репрессиям подверглись 645 представителей тамбовских социальных верхов. На долю 1937 г. приходится 62 % (400 человек) всех арестов и 51,6 % (181 человек) расстрелов. Подавляющее абсолютное количество смертных и иных приговоров было вынесено в декабре 1937 г. (54 и 98 человек соответственно), но при этом

самый высокий процент расстрелов приходится на январь 1938 г. (87,7 %; 50 человек), делая его таким образом наиболее жестоким месяцем. Также высокая доля смертных решений ожидала арестованных активистов как в начале массового террора (август и сентябрь 1937 г. – 67 и 64 %), в середине (март и май 1938 г. – до 81 %), так и на его исходе (сентябрь – 87 %).

Отметим, что в целом 1938 г. при меньшем количестве арестованных демонстрирует большую плотность высшей меры в приговорах в сравнении с 1937 г. (69,4 и 45 % соответственно). Всего же на два года «массового психоза» пришлось 95,4 % всех расстрелов тамбовской социальной элиты. (Схожие показатели смертельных приговоров (92,8 %) сложились и на репрессированной Смоленщине [1, с. 17]). В целом, проанализировав сущность и динамику «большого террора», можно сказать, что тамбовская региональная репрессивная машина работала в такт со всероссийской.

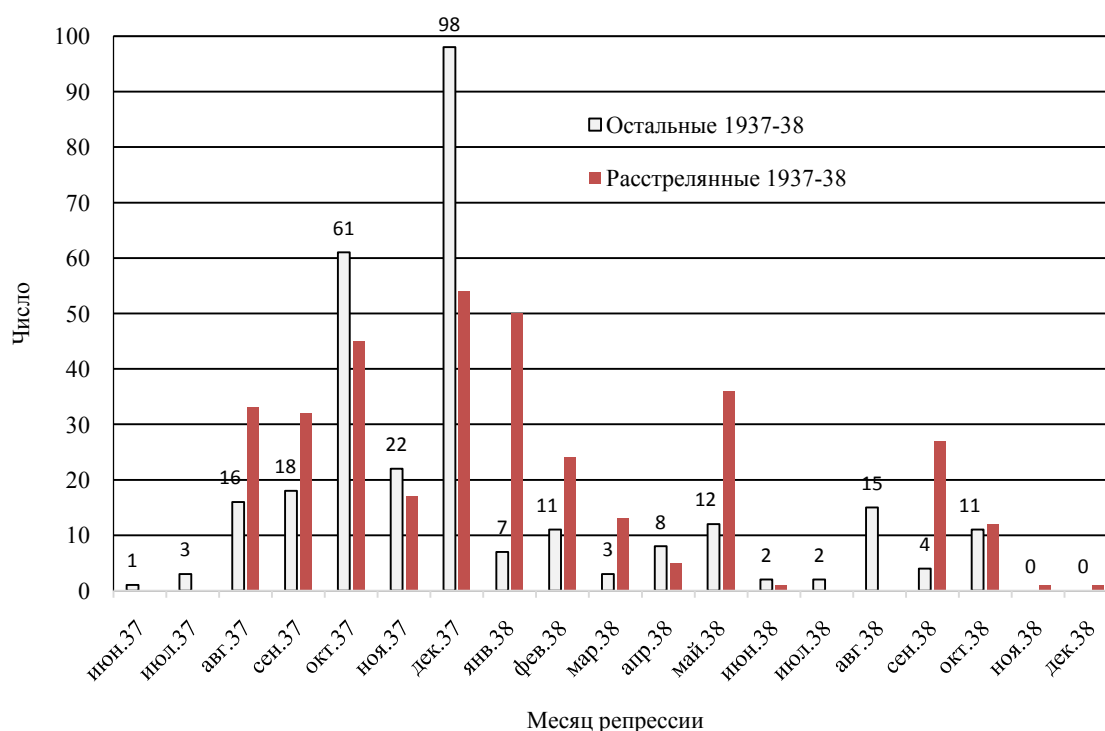

Рис. 3. Помесячная динамика расстрелов и остальных мер наказания

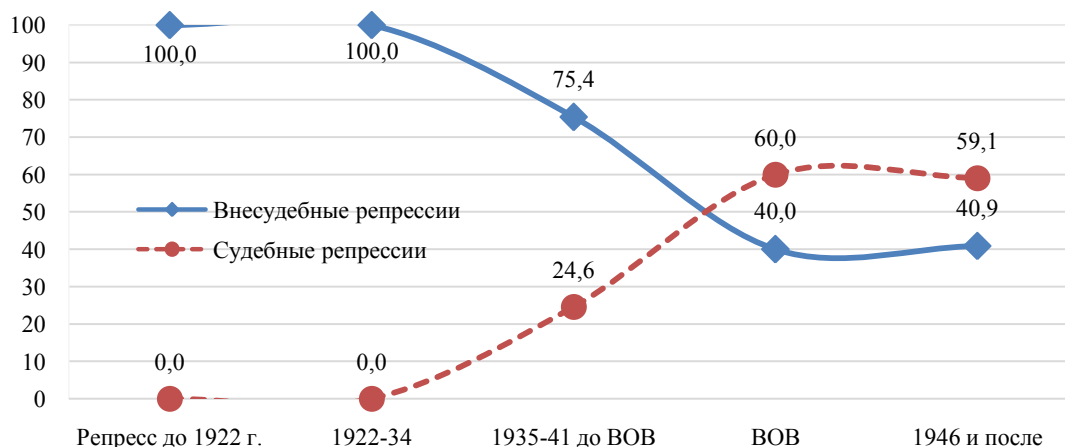

Рис. 4. Движение долей (%) судебных и внесудебных репрессий тамбовской социальной элиты

Наконец перейдем от жертв террора к его исполнительным органам. Ранние этапы репрессий отмечены 100 % участием внесудебных структур (рис. 4). С приходом в 1935 г. на пост генпрокурора А.Я. Вышинского происходит разворот и система начинает принимать формально-законный вид, с последующим доминированием судебных органов в послевоенных приговорах. Но из-за преобладания внесудебных расправ в наиболее массовых репрессивных периодах (в годы нэпа, коллективизации и «большого террора») на итоговую долю «законных» приговоров в репрессиях социальных «верхов» приходится лишь 22,3 %, что несколько больше аналогичного показателя у простых тамбовских политических (17 %). В целом, репрессивные «элитные» и «неэлитные» тренды похожи, что говорит об отсутствии в потоке дел каких-либо исключений для активистов.

В итоговом спектре самыми карающими инструментами репрессивной политики государства стали внесудебные органы: «тройки» НКВД-ОГПУ (56,6 % приговоров) и Особые совещания (10,6 %). На долю основного судебного органа – военную коллегия Верховного суда СССР пришлось 10,7 % всех процессов.

Рассмотренное движение объема и структуры репрессированных тамбовских социальных верхов стало возможным благодаря методически правильно созданной электронной просопографической БД, обладающей высоким компаративистским свойством и репрезентативностью.

Список литературы

1. Козин Е.В. Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М., 2011.
2. Лягушкина Л.А. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по книгам памяти Нижегородской области // Историческая информатика. 2012. № 1 (сентябрь). С. 30-43.
3. Лягушкина Л.А. Социальные характеристики репрессированных в годы Большого террора (1937–1938 гг.) в Карельской АССР // Вестник Пермского университета. Серия История. Пермь, 2014. Вып. 3 (26). С. 36-44.
4. Мишина Е.М. Социальные характеристики репрессированных на Алтае в 1935–1937 гг.: анализ базы данных и архивных материалов // Вестник Пермского университета. Серия История. Пермь, 2014. Вып. 3 (26). С. 45-56.
5. Дьячков В.Л. Политические репрессии 1918–1953 гг.: причины и структура (тамбовский случай) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: материалы 8 Междунар. науч. конф. Краснодар, 2013. С. 265-277.
6. Дьячков В.Л. Репрессии 1941–1945 гг.: методология изучения и фактор военного социально-демографического развития Тамбовской области // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. Вып. 10 (102). С. 258-267.
7. Население России в XX веке: в 3 т. М., 2000. Т. 1.

References

1. Kodin E.V. *Repressirovannaya rossiyskaya provintsiya. Smolenshchina. 1917–1953 gg.*

- [Repressed Russian province. Smolenshchina. 1917–1953]. Moscow, 2011. (In Russian).
2. Lyagushkina L.A. Sotsial'nyy portret repressirovannykh v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): analiz bazy dannykh po knigam pamyati Nizhegorodskoy oblasti [Social portrait of former political prisoner during Great Terror: database analysis of Memory Books of Nizhny Novgorod region]. *Istoricheskaya informatika – Historical Information Science*, 2012, no. 1 (September), pp. 30–43. (In Russian).
 3. Lyagushkina L.A. Sotsial'nye kharakteristiki repressirovannykh v gody Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.) v Karel'skoy ASSR [Social portrait of the Great Terror victims (1937–1938) in Karelian ASSR]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya – Perm University Herald. Series “History”*, 2014, no. 3 (26), pp. 36–44. (In Russian).
 4. Mishina E.M. Sotsial'nye kharakteristiki repressirovannykh na Altae v 1935–1937 gg.: analiz bazy dannykh i arkhivnykh materialov [Social features of the terror victims in Altai region, 1935–1937: analysis of database and archive materials]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya – Perm University Herald. Series “History”*, 2014, no. 3 (26), pp. 45–56. (In Russian).
 5. Dyachkov V.L. Politicheskie repressii 1918–1953 gg.: prichiny i struktura (tambovskiy sluchay) [Political repressions 1918–1953: reasons and structure (Tambov experience)]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii “Problemy istorii massovykh politicheskikh repressiy v SSSR. 1953–2013: 60 let bez Stalina. Osmyslenie proshlogo sovetского gosudarstva”* [Proceedings of 8th International Scientific Conference “Problems of History of Mass Political Repressions in USSR. 1953–2013: 60 years without Stalin”]. Krasnodar, 2013, pp. 265–277. (In Russian).
 6. Dyachkov V.L. Repressii 1941–1945 gg.: metodologiya izucheniya i faktor voennogo sotsial'no-demograficheskogo razvitiya Tambovskoy oblasti [Repressions of 1941–1945: methodology of study and military factor of socio-demographic development of Tambov region]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2011, no. 10 (102), pp. 258–267. (In Russian).
 7. *Naselenie Rossii v XX veke* [Population of Russia in XX century]. Moscow, 2000, vol. 1. (In Russian).

Поступила в редакцию 01.12.2016 г.
Received 1 December 2016

UDC 947(471.326)

THE POLITICAL REPRESSIONS OF 1918–1953 OF THE TAMBOV SOCIAL ELITE: CHARACTER AND STRUCTURE

Aleksander Nikolaevich KOSENKOV

Assistant of General and Russian History Department

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya St., Tambov, Russian Federation, 392000

E-mail: alexkosenkov@mail.ru

The character and structure of political repressions of the Tambov social elite of 1920–1940s is considered. The source for research were prosopographic electronic database (DB) of repressed elite, which includes more than a thousand personalities, and was created on the basis of the preparatory work on the Memory Book of political repression of the Tambov region. In the result of the analysis of the DB the movement of representatives of regional social elite through the historical stages of Soviet political repression is shown. Age and gender structure of the repressed and its correlation with punishment is set. Thus, the proportion of women amounted to less than 5 %, which corresponds to the level of the elite of the labour market. Most of the victims were between the ages of 41 to 50 years (27 %), with most sentenced to death elderly people over 71 years (in 77.3 % of cases). The aggregate share of the shootings was 35.9 %, with women less likely than men sentenced to death (14.9 and 36.9 %, respectively). Considered through the prism of purges national and professional composition of social activists the largest share of the death penalty among the Jews and the party-Soviet and industrial leaders was shown. Repression of the Great Terror period (1937–1938) as the most massive and violent (64 % of all those arrested and executed 95.4 % of the Tambov “elitists”) is separately analyzed. Thus, the study showed that created electronic DB on continuous, long lines and representative lines of sociographic personal information allows unbiased to consider the political repression of the regional social elites and to describe their dynamics and structure.

Key words: data base; Great Terror; upper social strata; political repression; Tambov region; elite

DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-1(165)-100-108

Информация для цитирования:

Косенков А.Н. Политические репрессии 1918–1953 гг. в отношении тамбовской социальной элиты: характер и структура // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2017. Т. 22. Вып. 1 (165). С. 100–108. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-1(165)-100-108.

Kosenkov A.N. Politicheskie repressii 1918–1953 gg. v otnoshenii tambovskoy sotsial'noy elity: kharakter i struktura [The political repressions of 1918–1953 of the Tambov social elite: character and structure]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2017, vol. 22, no. 1 (165), pp. 100–108. DOI: 10.20310/1810-0201-2017-22-1(165)-100-108. (In Russian).